

**ФЕНОМЕН «ЧУЖДОСТИ» И «ЗАГАДОЧНОСТИ»
В СЕМАНТИКЕ ЖАРГОННОГО СЛОВА**

Жаргоны как структурирующий фактор национального языка являются языковым отражением потребности людей объединяться, группироваться с самыми разными целями – совместный труд, совместное постижение тайн бытия или даже коллективное преступление. Любое такое объединение неизбежно порождает языкового «двойника» – жаргон той или иной профессии, жаргон теософов, уголовное арго и т. п. Этот «двойник» живет до тех пор, пока жива данная группа. При этом даже в самом короткоживущем жаргоне обязательно присутствует тенденция к обособленности, закрытости, которую В. С. Елистратов назвал «герметическим комплексом».

Жаргонная речь богата тропами, что позволило многим исследователям констатировать ее «поэтичность». Размышляя о поэтике жаргона, Е. Г. Рабинович опирается на понятия «престижа речи» и «престижного слова». Имеется в виду, что ритуализованное общение, будучи фактором самоидентификации группы, повышает престиж речи, становящейся привилегией избранных, а языковым выражением этого является троп. Ведущими стилистическими тенденциями использования тропов в жаргоне и в целом жаргонного словопроизводства Е. Г. Рабинович называет «чуждость» и «загадочность». (К первой предрасполагают межъязыковые контакты, ко второй – пребывание «в недрах» собственного языкового сообщества).

Эти нестрогие (и не определенные автором), но емкие по смыслу, как всякая метафора, паранаучные номинации применимы прежде всего, на наш взгляд, к информационной стороне жаргона, т. е. семантике его лексических и фразеологических единиц, что мы намереваемся продемонстрировать в данной публикации. Путь «очуждения», обновления известных смыслов мы видим в их закреплении за иноязычными формами или искаженными лексическими и фразеологическими формами родного языка, тенденцию к «загадочности» семантики поддерживают метафора и метонимия как механизмы смыслообразования.

Стремясь расширить стереотипный круг, из которого при изучении лексики ограниченного употребления обычно черпают примеры жаргонных слов, или социолектизмов (молодежный жаргон,

профессиональный жаргон, воровское арг), мы предлагаем студентам БГУ анализировать семантику и способы образования слов и устойчивых выражений, которые являются принадлежностью той или иной актуальной субкультуры, формирующейся на основе участия ее носителей в культурно-игровых проектах, в частности «Что? Где? Когда?» и ролевых играх.

Феномен ролевой культуры уже исследован психологами и социологами. Актуальными сегодня представляются лингвистические исследования. Интереснейшим объектом для филологического анализа является лексика и фразеология, обслуживающая субкультуру «толкиенистов» – одну из самых самобытных и оригинальных, безусловно заслуживающую внимания, в том числе в ее языковом аспекте.

Исследователи данного культурного феномена датируют возникновение «толкиеномании» в США 1965 годом. Начиная с этого времени имена собственные повести и романов Дж. Р. Р. Толкиена «Хоббит, или Туда и Обратно», «Сильмариллион» и «Властелин Колец» становятся прецедентными. В 60-е гг. студенты Гарварда носили значки с надписями «Да здравствует Фродо!», «Гэндальф – в президенты!». В газетных заголовках использовались метафорически переосмысленные поэтические антропонимы и топонимы из романа «Властелин колец», ср.: *Еще немного Мордора!* (Темный Властелин и его страна Мордор были у Толкиена аллегорией Германии времен Первой Мировой). Позднее даже президент США – Р. Рэйган – называл СССР *Land of Mordor*. В России субкультура толкиенистов начинает формироваться с начала 90-х гг., после издания полных переводов Толкиена (первая игра по "Властелину колец" прошла летом 1990 г. под Красноярском, состав ее участников формировался на базе военных и исторических клубов и включал научных сотрудников, студентов, преподавателей, в том числе лингвистов).

Субязык русскоязычных участников ролевой игры по произведениям Дж. Р. Р. Толкиена неоднороден и контрастирует с другими групповыми жаргонами в силу его «беллетристической» насыщенности, опоре на текстовый источник: жаргон опирается на слова созданного Толкиеном, профессором филологии, «эльфийского» языка, включает его поэтическую ономастику (например, Нескуч-

ный сад, место своих встреч, толкиенисты называют *Эгладор*, «эльфийски» ‘земля забытых’).

Кроме того, значительный пласт жаргонной лексики толкиенистов составляют такие единицы тропеического характера, как а) метафоры и метонимии и б) узуальные слова с переосмысленной адекватно реалиям из текстов Толкиена внутренней формой, т. е. единицы, которые поддерживают общую тенденцию к «загадочности» семантики жаргонных слов: а) *байка* – эпизод из игры; *вынести* – в ходе игры привести кого-либо к летальному исходу; *мир* – место действия игры (остров, материк, планета, галактика); *модуль* – сюжет, заранее спланированный мастером; *мастер* – тот, кто разрабатывает модуль, придумывает мир и водит по нему игроков (приведенные примеры принадлежат также профессиональному сленгу игротехников); б) *мордобитие* – война с Мордором; *МОРКовка* – любимый боевой строй орков в форме наконечника копья; *несуны* – олени из свиты Нессы; *СССР* – Совет Светлых Сил Ривенделла.

С точки зрения «очуждения» привычного смысла в ходе специфической стереотипизации речи представителями группы, стремящейся к обособленности в обществе, в субъязыке толкиенистов обнаруживаются (наряду с прямым заимствованием из английского и «эльфийского», которое мы здесь не рассматриваем) два процесса:

а) неологический: словопроизводство по узуальным моделям русского языка и конструирование фразеологизмов – при этом для существующих, закрепленных в узуальных единицах значений создается новая форма: *гномить* – 1) брать что-то у кого-то; 2) запасаться; *гномление* – процесс по глаголу *гномить*; *гномовитый* – хозяйственный, запасливый; *гномский* – низкий (*гномская душонка*); *Балрога тебе на уши*; *чихать со сторожевой башни Минас-Тирита*;

б) трансформационный, состоящий в видоизменении узуального фразеологизма (в узком и широком смысле), наполнении его структурно-семантической модели лексемами, актуальными для данной субкультуры: *Эльф орку не товарищ* (согласно Толкиену, *эльфы* – прекрасные и бессмертные существа, владеющие магией; *орки* – безобразные и злобные существа, преобразованные эльфы); *Благие намерения приводят в Ангбанд* (оказиональный поэтический топоним *Ангбанд* на «эльфийском» языке имеет внутреннюю форму ‘черное обиталище’); *Ангбандский Волколак тебе товарищ* (*Волко-*

лак, в оригинальном тексте *Wolf*, – слуга Черного Властелина); *Хоть Кольцом назови, только в Ородруин не бросай; Назвался Кольцом – прыгай в Ородруин* (кольцо Всевластия, играющее ключевую роль в романе, по сюжету было выковано Властелином в жерле *Ородруина* ('роковая гора') и может быть уничтожено только там); *мы еще увидим небо в Сильмариллах* (*Сильмариллы* – прекраснейшие алмазы, созданные эльфами); *А назгул его знает; К назгулу на кулички; Не так страшен назгул, как его малюют* (*назгулы* – властители человеческой расы, одевшие кольца власти Врага и ставшие их рабами).

«Очуждение» привычного смысла, преломленного через апелляции к тексту «Властелина колец» и реализованного в сочетании эффектов аномалии и аналогии, сужает сферу его понимания до ограниченного круга участников ролевой игры и соответственно носителей «престижной речи». Применительно к фразеологизмам «чуждость» новой формы (как внешней, так и внутренней) к тому же расширяет (или видоизменяет) образ типовой ситуации, к которой тот или иной фразеологизм применим. Таким путем эмоционально насыщается обновленная семантика, формируется требуемая в групповом общении экспрессия.